

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

УКРОЩЕННЫЙ ТИГР

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Укрощенный тигр / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-175479-2

В результате удачно выполненного боевого задания танкистам экипажа Алексея Соколова удастся захватить новенький «Тигр» и секретные документы германского штаба. В них эскадрилья люфтваффе предписывается разбомбить близлежащие населенные пункты, оставляемые вермахтом при отступлении. Чтобы не допустить потерь среди мирного населения, а заодно разгромить немецкую группировку, Соколов разрабатывает неслыханный по своей дерзости план, в котором основная роль отводится фашистскому трофею...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-175479-2

ГЛАВА 1

Мокрый снег крупными хлопьями выложил всю низину леса, где расположилась на короткую стоянку почти сотня танков. Для остановки пришлось выбрать сырую пойму, где мокрая грязь так и чавкала под сапогами. Но хотя бы были реденькие деревья, чтобы замаскировать черными прутьями веток широкие бронированные борта. Они преодолели уже больше 100 километров тяжелым марш-броском по выбоинам окружных путей, минуя главные дороги, чтобы немецкое люфтваффе не заметило длинную колонну из Т-34. И сейчас комбат Савченко собрал к своей «эмке» трех командиров рот своего танкового батальона: насупленный усатый Мороз, что руководит тяжеловесами КВ; юркий колобок Василий Зимин, знакомый ему с самого начала войны, и серьезный новичок Алексей Соколов. На фоне бывалых командиров молодой лейтенант выделялся безусым лицом и сдержанными манерами.

Мороза присутствие нового лица не смутило, он, как обычно, перемежая речь крепкими ругательствами, с возмущением выдал:

— Не дорога, а болото, где черти газуют. Мои на месте жопами рюхаются, все подвески к чертям собачьим сорвем.

— Потише, Мороз, — одернул его комбат. — Про устав не забывай и субординацию.

От досады здоровяк дернул себя за ус, но командир батальона и сам уже видел. Больше 10 километров грунтовки размыло от дождя и снега. Непогода превратила сельскую дорогу впродоль заброшенных полей в склизкую глинистую кашу, в которой танки потеряют управление и надсадят подвеску, собирая на гусеницы все больше и больше грязи. Многотонные КВ от усилий только глубже зароятся в мягкий слой, оседая черными глыбами в сером болоте. А скоро ночь, и над головами завоет воздух от крыльев немецких «рам» FW-189. Такое количество боевой техники не спрятать в реденьком лесочке, даже под брезентом будет видно огромный черный квадрат из железных «коробок». И назад уже колонну не развернуть для поиска другой дороги, нет смысла месить ноябрьскую распутицу, все глубже зарываясь в слякоть. Только и остается выслать разведывательную группу, чтобы нашла

путь, подходящий для двух отделений из двадцати легких «тридятьчетверок» и, самое главное, для семи единиц КВ, каждый из которых весит больше 45 тонн.

— Мороз, ты остаешься с мехводами всех отделений. Задача — маскировка батальона. Хоть грязью мажь, но чтобы через час ни одной машины с неба видно не было.

Усач с готовностью достал из-за пояса широкий нож, замахал в воздухе, готовясь обрубить лапы всем елям вокруг.

— Зимин, половину личного состава берешь — и в лес. Рубите подстилку под танки. Бревна, крупные ветки, ну ты сам знаешь, Василий Кузьмич, чего тебя учить. А вы, Алексей эм... — на секунду Савченко сбился, не запомнил он отчества молодого своего подчиненного, а привык обращаться к командирам отделений уважительно.

— Алексей Иванович, но вы... Я не привык, лучше Алексей, — в ужасе почувствовал Соколов, как заливает лицо жаркая краснота от смущения. В роли ротного командира воевал он уже год, но сейчас испытывал неловкость из-за того, что совсем не успел пообщаться с новым командиром и остальными командирами отделений. Он мгновенно оправился, вытянулся в струну и по-воен-

ному четко выпалил: — Слушаю приказ, товарищ командир батальона.

— Вольно, лейтенант. Ты бери остальных бойцов, и все, что Зимин нарубит, тащите к размытому грунту. Будем выкладывать сами дорогу.

— Есть, товарищ майор! — уже развернулся парень в сторону застывших машин, уточнил вежливо: — Поставлю двух человек в наблюдение? Чтобы немца не пропустить?

— Молодец, лейтенант, прошел проверку. Осторожность на войне важнее всего. Ставь. Сам выбери, кто глазащее из твоих.

«Если бы знать», — Алексей вздохнул про себя. Из всех танковых отделений, что были с ним в последнем бою за Речицу, никого в батальон Савченко не перевели. Почти все машины пошли в ремонтный цех, а танкистов отправили кого в медчасть, а кого в другие военные части РККА. Поспешно вышагивающий впереди короткими ногами Зимин развернулся и просительно взглянул сверху вниз:

— Поставь в часовые Мишку нашего, Осадчего. Он парень внимательный, а на рубке от него толку не будет все равно.

Когда два командира рот Т-34 подошли поближе к сгрудившимся у машин танкистам, Алексей понял, что имел в виду Василий Кузьмич.

Осадчий оказался мальчишкой, худым до прозрачности: тощие руки топорщились ветками из просторных рукавов ватника, над воротником на воробьиной шее торчала голова с огромными ушами. Заметив удивление в глазах новенького, Зимин хмыкнул:

— Ты не смотри, что тощий, у нашего Михана вся сила в духе.

Алексей промолчал; командиру роты виднее, кто из бойцов на что годится, когда давно воюют вместе. Он выбрал из толпы ребят повыше, чтобы длинные руки загребали побольше в охапку бревен, и объяснил задачу комбата.

Снег так и продолжал валиться рыхлыми хлопьями, растекаясь, напоитывая зябкой влагой шинели и ватники работающих танкистов. От промозглой сырости Алексея трясло крупной дрожью, конечности сковывал ледяной холод. Но молодой ротный изо всех сил хватал бревна побольше, шлепал по грязи как можно быстрее, чтобы обрушить ношу в черное зияние раскисшей дороги. Нельзя командиру проявлять слабость, показывать своим подчиненным, как от холода и усталости ослабло тело. Пальцы почти уже не гнулись от стылости, в сапогах танкистов хлюпала ледяная влага, они таскали ветки для подмостков уже три часа, а чернеющая яма не укрылась даже

наполовину. Но бойцы продолжали на пределе человеческих сил терпеливо таскать вязанки, словно трудолюбивые мураши. Не обращая внимания на то, как льдистая влага прожигает уже до костей, пальцы покрылись кровавыми ссадинами от сучков и заноз, а вся одежда обвисла мокрым тряпьем, ледящим человеческие тела. Они не останавливались ни на секунду, мерно делая шаг за шагом, укладывая метр за метром самодельной дороги посреди зыбкой хляби, которая ведет к занятому немцами городу. Впереди длинная ночь суровой работы под снегом и дождем.

* * *

От торопливого шага небольшие каблучки легких туфель путались в длинном ворсе пестрого ковра с затейливыми восточными завитушками. Толстый слой гасил шаги идущего позади энкаведэшника. Она и без звуков знала о своей тени, что следовала до самого номера в гостинице.

Группу переводчиков-синхронистов для сопровождения вождя и партийной верхушки на Тегеранской конференции поселили в отдельном крыле гостиницы. Сюда никто не имел доступа без специального пропуска, в коридорах царила

тишина, лишь иногда нарушаемая шорохом тележки горничной. Молчащие женщины в скромных платьях и передниках ежедневно меняли шелковое белье и махровые полотенца в светлых номерах с гигантскими кроватями. Но она не обращала внимания на роскошное убранство номера, мягкую мебель ручной работы и горы с сахарными верхушками за окном. Каждый день заканчивался одинаково: после ужина их отпускали, коллеги с удовольствием пробовали экзотические блюда Азии, болтали, пользуясь возможностью освободиться от напряжения тяжелых переговоров; вышколенные официанты жонглировали хрустальными сервизами. Она, механически прожевав положенное количество пищи, терпеливо ждала, когда уже можно будет пойти в свой номер. Строгая, с прямой спиной, гладкой прической волосок к волоску, пожилая переводчица застывала в бархатном кресле. Тонкие пальцы лежали напряженно во впадинках резных подлокотников, сухие губы растягивались, изображая вежливую улыбку. Женщина кивала коллегам, отключив слух. Ей были неинтересны их разговоры о хрустальных люстрах в торжественном зале посольства Британии или щегольских кожаных туфлях зарубежного дипломата, явно сшитых на заказ. Просто надо терпе-

ливо выждать, когда согласно правилам этикета можно идти в номер.

Сегодня за дверью номера ее ждала гостя. Крупная пожилая женщина в костюме горничной в кипенно-белом переднике робко шагнула навстречу и торопливо заговорила на фарси. Галина Михайловна знала его отлично, знания еще в детстве сами улеглись в голову, когда она листала перед сном книги из библиотеки дедушки-востоковеда. Именно за знание английского и восточных языков ее определили сопровождать вождя в поездке, что проходила под грифом «секретно».

Женщина нерешительно протянула ей золотистую коробочку с бантом из алой ленты:

— Это вам, подарок, вашему народу. Спасибо за то, что спасли весь мир от войны. Здесь фисташковая халва, ее приготовила моя внучка. Я маленькая женщина, это все, что я могу.

— Это еще что за фокусы, товарищ Выстрелбинцева, — за спиной зашептал придушенный голос согладаята. — Что происходит? Кто такая у вас в номере, немецкая шпионка? Что она говорит? Немедленно переведите!

— Она не шпион, обычная горничная, — переводчица кивнула на серебристую тележку с толстыми стопками свежих полотенец. — Восточная

сладость в коробке, благодарит за то, что СССР борется с Гитлером.

— Какие еще сладости, подарки! — голос энкавэдэшника взвился к потолку с завитушками лепнины. — Вы знаете, что арестованы 400 германских шпионов, которые готовили нападение на товарища Сталина и глав других государств! И берете подарки у подозрительных личностей.

Перепуганная его криком горничная бухнулась на колени, схватила хрупкую кисть строгой русской и прижалась в поцелуе:

— Я каждый день благодарю нашего бога, что помог русским остановить зверя. Примите этот подарок, прошу вас. Я не желаю зла, это просто сладости! Они от чистого сердца!

— Вставайте, вставайте же. Спасибо. Этот человек передаст угощение нашему вождю. — Переводчица взяла коробку и сунула в руки особиста. — Забирай себе.

Пожилая женщина проводила охающую прислугу до порога, послала на прощание сухую улыбку:

— Спасибо, мне очень приятно. От нашей страны я благодарю вас.

— Я эту гадость даже открывать не будут! — взвизгнул сотрудник, он на расстоянии держал яркую упаковку.

— Я тоже. Забирайте и делайте с ней все, что захотите. А лучше съешьте, нет там яда. Обычная халва из орехов.

— Но...

Она не дала ему закончить, широко распахнула дверь и кивком указала на тихий коридор, освещенный золотистыми канделябрами на стенах:

— Безопасность — это ваша работа. В том числе и личного переводчика товарища Сталина. Разбирайтесь с подарком для СССР, а мне нужен отдых. Прошу.

Энкавэдэшник дернулся от ее высокомерных манер, но подчинился. Все-таки важная птица, сопровождает главу государства на конференции уже второй день. Да и биография у переводчицы Выстребинцевой идеальная: ни одного изменщика родины или раскулаченного, сплошь профессор да герои, как и она сама в выглаженном костюме и с гладким седым пучком. Мужчина растопырил пальцы и понес презент в номер, где устроили штаб особистов. Надо сообщить ответственным товарищам, пускай разбираются, что в коробке.

А она, с облегчением закрыв за ним дверь, обернулась назад и улыбнулась, просияла настоящей искренней улыбкой. Усталый взгляд и мор-

щины вдруг исчезли, на лице выступил румянец. Галина сбросила пиджак на красный пухлый диван с парчовыми подушками, сделала несколько шагов к массивному столику из красного дерева.

— Митька, Митюша! — она с трудом сдерживала ликующий крик. — Все, дождались, сыночек! Выиграли войну! Выиграли мы, конец, Митенька!

С большого портрета, рассеченного траурной лентой, сияющим радостью взглядом таких же, как у матери, ярко-голубых глаз смотрел молодой парень в форме летчика. Смотрел так задорно, что ей казалось — вот он, живой, теплый, такой родной. Обнимает ее рукой и смеется: «Ну вот видишь, мамуля, дождались победы. Не зря все было! Одолели фашистов!» Она гладила тонкими пальцами стекло фотографии, улыбалась с нежностью, кивала и торопливо рассказывала мертвому сыну:

— Все, второй фронт открывается, чтобы Гитлера из Европы прогнать. Отступает армия вермахта! И узников лагерей освободят! А там и ты домой вернешься, Митя! Я верю, я чувствую сердцем, что ты там, ты в плену! — По щекам у пожилой женщины потекли слезы, которых не было со дня получения похоронки на сына. — Я верю, сыночек, и ждать тебя буду всегда. Ведь уже немного осталось, обсуждают, как будет